

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-41-53>

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУД КАК ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ А. Ф. КОНИ*

Татьяна Юрьевна Борисова

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики», 190008, Россия, г. Санкт-Петербург,

ул. Союза Печатников, д. 16

tyuborisova@gmail.com

Аннотация

В статье ставится вопрос о значении милости в практической деятельности А. Ф. Кони. На основе известных и ранее не использовавшихся исследователями источников, в том числе неопубликованных архивных материалов из личного фонда А. Ф. Кони в ИРЛИ, делается вывод о большом интересе выдающегося юриста к христианским догматам. Применяя подход культурной истории, автор показывает, что особое внимание А. Ф. Кони к понятию милости в христианском учении отвечало его собственным идеям о милости в пореформенном суде.

Ключевые слова: А. Ф. Кони; милость; суд присяжных; оправдательный приговор; Судебная реформа 1864 г.

Для цитирования: *Борисова Т. Ю.* Милостивый государственный суд как отражение христианских воззрений А. Ф. Кони // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-41-53>

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Research Article

THE MERCIFUL STATE COURT AS A REFLECTION OF THE CHRISTIAN VIEWS OF A. F. KONI*

Tatiana Yu. Borisova

St. Petersburg Branch of National Research University Higher School of Economics,
16 Soiuz Pechatnikov St., St. Petersburg, 190008, Russia

Abstract

The article deals with religious views of A. F. Koni. Based on published sources and unpublished archival documents, the author demonstrates that Koni's Christian belief needs to be taken into account for a more nuanced understanding of his commitment to merciful justice. Approach of cultural history allows to highlight practical implementation of Christian concept "mercy" in the working of Russia's jurisprudence in the nineteenth century.

Keywords: A. F. Koni; mercy; merciful justice; jury; acquittal; Judicial Reform 1864.

For citation: *Borisova T. Yu.* The Merciful State Court as a Reflection of the Christian Views of A. F. Koni. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 41–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-41-53>

«Милость торжествует над судом» – эти слова Священного писания в настоящее время не являются ли светом, который и во тьме светит... в темноте греха, горя и опасностей, нас окружающих.

*А. Ф. Кони*¹

Введение

В историографии последних лет предприняты отрядные попытки изучить вклад А. Ф. Кони в развитие отечественной юриспруденции на основе ранее не изучавшегося архивного материала [2, с. 193–205; 3]. Наше исследование также ставит своей задачей пролить свет на неизвестные ранее аспекты жизни и службы выдающегося российского юриста. Несмотря на обилие публикаций о героическом служении А. Ф. Кони пореформенной юриспруденции, вопрос о его мотивации

* The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

¹ [1, л. 70].

остаётся не до конца исследованным. В этой статье речь пойдет об этической, моральной составляющей и религиозной подоплеке профессиональной деятельности Кони-юриста.

Подтверждением большого морального авторитета Кони было то, что он был одним из немногих дореволюционных юристов, которому отдала должное и советская власть. Косвенным свидетельством такого особого отношения было решение торжественно похоронить его на кладбище выдающихся деятелей русской культуры в Александро-Невской Лавре в Ленинграде. В 1929 г. в разгар борьбы с религиозным культом на могиле Кони был установлен массивный деревянный крест. Уже после войны, в 1946 г., подруга Кони Е. А. Садова обращала внимание властей на то, что крест, «сооруженный с таким трудом», сильно накренился, что являлось «черной неблагодарностью» по отношению к Кони, который, напоминала Садова, был «чудесный человек, глубокий мыслитель и писатель, «первый судья» России, друг многих выдающихся людей нашей Родины, помощник и учитель своих современников»[4, л. 1 об.].

Это перечисление заслуг Кони, кажется, дает ключ к ответу на центральные вопросы этой статьи: что символизировал крест на могиле Кони для его современников? Какое понимание христианской религии исповедовал крещеный в православие Кони в своей общественной и профессиональной деятельности? Чтобы ответить на эти вопросы, мы остановимся на трех эпизодах судебной практики А. Ф. Кони, в которых наиболее явно проявились его представления о милости как важной составляющей справедливого законного порядка.

Эти эпизоды мы рассмотрим, исходя из архивных свидетельств, которые указывают на большой интерес А. Ф. Кони к христианской религии и даже позволяют предполагать в нем сильное религиозное чувство. В специально собранной папке в личном архиве А. Ф. Кони [1], хранящейся в Пушкинском доме, рукою Кони переписаны разного рода материалы – молитвы, отрывки из Евангелия и проповедей, тетради с собственными набросками на религиозные темы. Что характерно, в них часто подчеркнуто слово «милость». Как, например, в этой молитве, переписанной рукою Кони:

«Господи, имя тебе любовь: не отвергни меня, заблуждающегося человека

Имя тебе сила: подкрепи меня изнемогающего и падающего

Имя тебе свет: просвети мою душу, омраченную житейскими страстями

Имя тебе мир: умири мятущуюся душу мою

Имя тебе милость: не переставай миловать меня» [1, л. 25 об.].

Как надписано на папке, эти материалы относятся к позднему периоду жизни А. Ф. Кони: 1890-м–1920-м гг. Но, кажется, идея милостивого суда и обличения фарисейства была близка Кони и в более ранний период.

1. Борьба с фарисеями за правду: оправдание Засулич

Говоря об этических установках Кони, мы не можем обойти вниманием известный процесс Веры Засулич, ставший самым большим профессиональным испытанием его жизни. Из личных материалов фонда Кони и его воспоминаний известно, что он много думал о смысле жизни, религии и своей собственной вере во время тяжелого личного кризиса, связанного с оправданием Засулич в 1878 г.

Действительно, после скандального оправдания террористки, покушавшейся на жизнь градоначальника, служебная позиция Кони сильно пошатнулась. Большие нравственные страдания и, как он сам писал, «душевную боль» вызвало предложение министра юстиции выйти в отставку. Это предложение, как сокрушался Кони, было «предъявлено несменяемому судье» за то, что «он был слугой правосудия, в условиях, начертанных Судебными Уставами, а не услужливым пособником осуществления предвзятых решений» [5, с. 340].

Для Кони процесс Засулич и кризис после него стали моментом окончательной кристаллизации его профессиональной и личной этики, его веры в правду и в человека. Именно после оправдания и последовавшей за ним опалы Кони стал часто выступать с докладами, лекциями, статьями, брошюрами и книгами, в которых особое внимание уделялось вопросам морали и нравственности. На этом основании выступления Кони можно отнести к своеобразному роду гражданской проповеди.

На аналогию с проповедью указывает то, как в своих публикациях и судебных речах Кони часто использовал метафоры из Библии. Так, одним из самых любимых библейских выражений, которое он использовал для обозначения конфликта старых и новых начал в российской юриспруденции, было «вино новое в мехи старые». Именно в этом конфликте Кони видел важную подоплеку дела Засулич. В своих воспоминаниях он подробно останавливался на конфликте с Министром юстиции графом Паленом по поводу ведения этого дела. Пален просил недавно назначенного председателя Петербургского окружного суда Кони об услуге – склонить присяжных к обвинению Засулич. На что Кони отвечал ему, что такое понимание роли председателя суда совершенно невозможно: «Председатель – судья, а не сторона, и ведя уголовный процесс, он держит в руках чашу со святыми дарами. Он не смеет наклонить ее ни в ту ни в другую сторону – иначе дары будут пролиты» [6, с. 85–86]. Кони настаивал, что суд не оказывает услуг, т.е., следуя заветам отцов Судебной реформы, не может служить лицам, а служит правде. Библейская метафора чаши со святыми дарами подчеркивала высокое институциональное значение суда как учреждения, в котором вершится высокая справедливость.

Тогда Пален попытался повлиять на Кони по-другому. Чтобы напомнить о долге службы, за две недели до процесса Пален организовал для Кони «представление» императору по случаю вступления Кони в должность председателя Санкт-Петербургского окружного суда. Формально по протоколу такое представление не было предусмотрено. Кони понимал, что все это организовано из-за грядущего процесса над Засулич, и с волнением думал о том, как поделится своими переживаниями об этом деле с Царем-освободителем. На царском приеме после воскресной обедни Кони ждало горькое разочарование. Ему пожал руку и спросил коротко о предыдущей службе очень усталый человек, которому было не до сложностей дела Засулич.

Отказавшись от предложения Палена склонить присяжных к обвинительному акту, Кони выбрал путь, как ему казалось, максимально соответствующий задаче свершения правосудия. Для этого он принял принципиальное решение, за которое его впоследствии порицали. Он разрешил защите реконструировать на про-

цессе обстоятельства, которые спровоцировали Засулич на преступление. Засулич показала на суде, что не будучи лично знакома с Боголюбовым она прочитала в газете сообщение о том, что в Доме предварительного заключения были жестоко подавлены беспорядки из-за позорного сечения студента Боголюбова, якобы не снявшего шапки перед градоначальником Треповым. Унижение уже лишеного прав человека и беззащитность его заключенных товарищей перед побоями заставили Засулич предпринять шаг отчаяния. Покушением на Трепова она хотела обратить внимание общества на немыслимость такого положения дел.

Решение председательствующего в суде Кони допустить на процессе чтение той самой заметки в газете о беспорядках и опрос свидетелей беспорядков в корне изменили значение процесса. Министр Пален думал представить процесс Засулич как разбирательство частного уголовного дела, в котором основным мотивом была личная месть Засулич Трепову за унижение Боголюбова. Но процесс над Засулич стал процессом над незаконным произволом. Действительно, приказ Трепова высечь Боголюбова выходил за рамки закона, по которому подобное наказание можно было применять к осужденному только на месте отбывания наказания, а события происходили в Доме предварительного заключения. В своих мемуарах Кони обращал внимание на интересную деталь в этой истории.

Он писал, что накануне боголюбовской истории в свете и в государственных учреждениях стали ходить разговоры о том, что надо возратить порку, как патриархальный способ вернуть контроль над молодежью. Приказ градоначальника Трепова пороть Боголюбова был отдан в контексте этих обстоятельств и отвечал определенному запросу общества силой утвердить общественное спокойствие и порядок. Однако, подчеркивал Кони, Трепов приехал к нему и, «крестясь на образ», уверял, что не знал о том, что его поступок был противозаконным. Более того, Трепов настаивал, что после порки в знак примирения послал чаю и сахару высеченному Боголюбову. Усмехаясь якобы христианскому поступку Трепова, Кони высказывал сомнение в том, что Боголюбов пил треповский чай. Уже перед процессом Засулич, как писал Кони, Трепов везде рассказывал, что простил Засулич и не желает ей зла, но на процесс сам не явился. Для Кони эти декларации Трепова являлись не чем иным, как фарисейством, которое он не раз обличал в воспоминаниях о деле Засулич.

Надо сказать, что в итоге общественное мнение склонилось к тому, что Кони не нарушал судебную процедуру. Старший товарищ А. Ф. Кони, его университетский профессор Б. Н. Чичерин, присутствовавший на процессе, написал короткую, но очень влиятельную заметку, в которой авторитетно подтверждал законность судебной процедуры на процессе Засулич [7].

Кони писал, что он рассчитывал на снисхождение присяжных, не на оправдание. То, что присяжные сочли возможным оправдать Засулич, говорило о наличии морального конфликта в обществе между поколением отцов и детей. Для Кони проигрыш защиты права на жизнь Трепова означал не анархию, а то, что на суде победила милость к детям. Эта победа, в представлении Кони, была важной победой нового суда, как общественного института, с помощью которого могло осуществиться примирение сторон.

2. Судить нельзя, помиловать

Жизнь шла своим чередом, и, несмотря на то, что оправдательным приговором были очень недовольны в высших эшелонах власти, и Сенат впоследствии кассировал его, Кони продолжал исполнять свои обязанности. Через месяц после процесса Засулич, в мае 1878 г., Кони составил Всеподданнейший доклад «По делу о сопротивлении крестьян Бельского и Соколовского уездов Седлецкой губернии местному полицейскому начальству». Седлецкая губерния была основана в 1867 г. в рамках административного переустройства Польши после восстания 1863 г. [8]. Недовольство крестьян было связано с тяжелыми наказаниями, которые они должны были нести за отказ крестить детей в православную веру [9].

Во всеподданнейшем докладе Кони показывал, что, несмотря на то, что вина всех 20 привлеченных к следствию крестьян доказана, следствие надо прекратить, сделать виновным внушение, но до суда не доводить. Основываясь на данных следствия, Кони приводил аргументы с двух сторон, обращаясь к личности обвиняемых и к обстоятельствам, которые они приводили в свое оправдание.

Кони убеждал царя в том, что в основе сопротивления полицейской власти крестьян Седлецкой губернии лежит радикально изменившаяся политика в отношении религии в Польше: «резкое противоречие между проходящим чрез всю историю нашего законодательства началом терпимости и отсутствия насильственного давления на совесть в делах веры – и теми последствиями, которые вызваны мероприятиями к упрочению совершившегося в последние годы воссоединения униатов в Седлецкой губернии» [9, л. 5]. Это резкое противоречие не может быть «сглажено или примирено судебным приговором, как бы строг он ни был» [9, л. 5-5 об.]. Именно поэтому, в представлении Кони суд здесь был не нужен.

Суд был не нужен, прежде всего, потому что он не мог быть справедливым. В докладе Кони показывал, что катастрофически беднеющие крестьяне воспринимают как тяжелое и несправедливое наказание в 1 руб. за неделю «просрочки» православного крещения младенца. То, что в условиях тяжелого материального положения крестьян представители полицейской власти пытались уводить домашний скот в счет штрафов, объясняло их «крайнее раздражение» и сопротивление. В частности, нанешие побои полицейским крестьянки в деревне Любенке показали, что их мужья во время униатских беспорядков были биты нагайками и высланы [9, л. 3]. Кони дословно приводил слова обвиняемых в своем докладе: «Хоть повесьте нас, но мы в церковь не пойдём, так как мы себя к православным никогда не причисляли и таковыми никогда не были. Чего хотят от нас? Мы, кажется, аккуратно уплачиваем подати и несем все повинности» [9, л. 3 об.].

Кони прямо предупреждал монарха, что представление этих обстоятельств на суде в ходе перекрестного допроса обвиняемых в совокупности с их безупречным прошлым и тяжелым материальным и семейным положением (на 14 обвиняемых приходится 39 детей [9, л. 4]) будет крайне невыгодно для обвинения. На суде все перечисленные показания, высказанные с убеждением и твердостью, не смогут «вызвать впечатления выгодного для нравственной твердости и достоинства обвинения». Отметим этот важный момент – Кони предупреждал о том, что «впечатление» безнравственности власти, публично постановляющей в суде не-

справедливый с моральной точки зрения приговор крайне «невыгодна» и потенциально опасна.

Кони уверял монарха, что суд безусловно исполнил бы свою задачу и сурово наказал «несомненно виновных подсудимых», однако это вряд ли бы способствовало водворению в крае глубокого уважения к правосудию [9, л. 4]: «Такой приговор будет лишен той внутренней силы, которая в глазах местного населения, упрочивая достоинство судебной власти, поднимала бы в тоже время авторитет и значение власти административной» [9, л. 5].

В докладе императору Кони не забывал центральную роль последнего в правовой системе империи и писал, что, конечно, монаршая милость может смягчить формальную строгость приговора суда. Именно на это, кстати, как он сам писал в воспоминаниях о деле Засулич, он надеялся, разрешив защите представить обстоятельства порки Боголюбова, объясняющие поступок Засулич. Но, возможно, наученный опытом процесса Засулич, он тут же дополнял, что на процессе над сопротивляющимися полицейской власти крестьянами могут быть сделаны «разоблачения», которые могут быть затем недобросовестно и злонамеренно искажены [9, л. 6]. Наверное, он имел в виду прессу, как внутреннюю российскую, так и польские газеты в Пруссии и Галиции.

Таким образом, от лица министра юстиции Кони заключал во всеподданнейшем докладе: «Публичное разоблачение путем судебного производства представляется вообще весьма неудобным, а в настоящее исключительно время даже и в высокой мере нежелательным. Я принял смелость испрашивать Высочайшего Вашего императорского величества разрешения на совершенное прекращение возбужденного по сим делам в Седлецкой губернии судебного преследования, с вменением содержащимся под стражей строгого внушения, что в случае повторения подобных вышеуказанным поступков и беспорядков, с виновными будет поступлено по всей тяжести законов» [9, л. 6-6 об.].

Этот всеподданнейший доклад был утвержден, и несчастные крестьянки были освобождены из-под следствия. Но наказаний за отказ крестить младенцев никто не отменял. Неудивительно, что уже осенью того же года 1878 г. Кони пришлось писать еще один всеподданнейший доклад опять же о крестьянах Седлецкой губернии [9, л. 7]. В этом докладе Кони обличал недостойное поведение полицейских властей, когда напуганные сопротивлением крестьян, они догадались нанять «жида», чтобы тот выводил скот в уплату штрафа. Эту ситуацию Кони называл возмутительной.

В целом Кони хорошо понимал недальновидность и большую опасность политики насильственной христианизации на окраинах, когда она только набирала свои обороты в конце 1870-х гг. После того как с воцарением Александра III русификация, принудительная христианизация стали правительственным курсом, Кони не раз решительно выступал против него. Наиболее ярким было его выступление по нашумевшему Мултанскому делу 1895 г.

3. Мултанское дело

Мултанское дело, так же как и дело Засулич, вызвало большой общественный резонанс. Кони, который с 1885 г. был обер-прокурором Уголовного Кассационного

департамента Сената, занял принципиальную позицию по Мулатскому делу. Этот не обойденный вниманием исследователей процесс [см. прекрасный обзор историографии: 10] особенно интересно рассматривать на контрасте с делом Засулич. В обоих случаях имело место преступление против права на жизнь. В обоих случаях его рассматривали присяжные. Газеты проявили огромный интерес к этим процессам. Участие Кони, как показывают архивные материалы [11], было принципиальным в ходе этих дел. На этом общие черты заканчиваются. Кратко напомним суть дела.

В 1894 г. в далеком от столичного Петербурга селе Старый Мултан было совершено убийство крестьянина Канона Матунина, которое было инсценировано как ритуальное, что сразу позволило следствию искать подозреваемых среди местных жителей вотяков – народности, с начала XIX в. христианизированной, но сохранявшей свою обрядность. Присяжные осудили вотяков на первом процессе. Благодаря деятельному участию защиты выяснилось, что следствие шло с очень серьезными процессуальными нарушениями, включая побои обвиняемых и свидетелей. Был организован второй процесс, на котором новый состав присяжных снова осудил вотяков.

Писатель В. Г. Короленко, приглашенный защитником присутствовать на процессе, стал важным участником развития событий. Во многом благодаря его многочисленным газетным репортажам [12], столичная публика узнала о том, к каким плачевным последствиям может приводить патристическая риторика защиты христианских ценностей. Основой обвинения было утверждение о дикости вотяков, что как бы само собой подразумевало обязательное совершение ими жертвоприношений. Дикость вотяков конструировалась при помощи разного рода экспертизы. Кроме специалистов этнографов, подтверждающих наличие у вотяков обрядов жертвоприношения с точки зрения «науки» [13], церковники тоже сыграли свою роль.

В частности, первый обвинительный акт был основан на двух свидетельствах в пользу обвинения – показаниях 95-летнего старика Устина Данилова Иванцева, племянника которого вотяки якобы хотели принести в жертву, и священника Михаила Якимова, которому тоже якобы были известны два случая жертвоприношений вотяков языческим богам [11, л. 93]. Защитник Дерягин справедливо указывал в своем протесте, что обвинение основано на слухах [14, л. 3].

Интересной особенностью этого дела, является то, что, так же как и в деле Засулич, важную роль в его ходе сыграли газеты [10]. В частности, Правительствующий Сенат, получив кассационный протест защитника Дерягина, запросил объяснения у казанского окружного прокурора. При этом ему была направлена вырезка из «Русских ведомостей» с репортажем Короленко о процессе [14, л. 95-96], на основании которой Сенат хотел получить ответ прокурора. В частности, прокурор должен был ответить на серьезные претензии к качеству судебной процедуры, о которых писали указывали и защитник Дерягин (в своей второй кассационной жалобе) и писатель Короленко в своей статье. Они оба указывали, что помимо угроз и побоев в отношении свидетелей из вотяков пристав Шмелев приводил их к присяге не на Священном писании – в случае крещеных вотяков это должна была быть Библия, – а на чучеле медведя.

20 октября 1895 г. прокурор Казанской судебной палаты Чаплин представил министру юстиции подробный рапорт. В нем он признавал, что отдал распоря-

жении об изъятии компрометирующих следствие подробностей из протокола заседания, где они были зафиксированы как жалоба защитника. В этом рапорте он объяснял, почему пошел на правку протокола. Он настаивал на том, что был хорошо знаком с жизнью вотяков, в особенности с поверхностным принятием ими православия.

Опираясь на местное знание, недоступное приезжим газетчикам, прокурор писал, что даже у «просвещенных православной религией» вотяков однозначно присутствовал языческий культ, о чем «не существует никакого сомнения – ни в населении, ни у духовенства, ни у властей, ни у исследователей». В том числе он сомневался в том, насколько верными были представления о христианизации вотяков в столице: «Языческие обряды черемисов и вотяков, состоявших даже в православии, уже давно обращали на себя внимание правительства и вызывали меры к их искоренению. Повелением императора Николая I с 1827 года назначаемы им с этой целью миссионеры в Вятскую губернию, делом миссии, до известной степени, руководил знаменитый Митрополит Филарет. Но, официально зарегистрированные успехи в первое время, в конце концов не дали еще благоприятных результатов и, как сказано выше, языческие обряды практикуются, и не только среди вотяков Вятской губернии, но и среди других инородцев смежных губерний» [14, л. 102-102 об.].

Обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената Кони не считал объяснения казанского Прокурора убедительными. Он был возмущен тем, как легко представители судебной и полицейской власти в союзе со священниками были готовы представить дикими крестьян-вотяков и исключить их из сферы действия законов, обеспечивающих защиту прав подсудимых. Для отстаивания справедливости Кони использовал формальные критерии. Подготовленное им решение Кассационного департамента Сената изобиловало сносками на конкретные статьи уголовных законов, нарушенных в Мултанском деле. Позиция Кони была представлена на страницах «Нового времени», и вошла в собрание его речей, вышедшее в 1896 г. [15].

Как писал Кони, он разъяснил министру юстиции Муравьеву, который намекал на возможное неудовольствие императора, что признание подсудимых виновными в человеческом жертвоприношении языческим богам должно быть совершено «с соблюдением в полной точности всех форм и обрядов судопроизводства, так как таким решением утверждается авторитетным словом суда не только существование ужасного и кровавого обычая, но и неизбежно выдвигается вопрос, были ли приняты достаточные и целесообразные меры для выполнения Россией, в течение нескольких столетий владеющей Вотским краем, своей христиански-культурной просветительной миссии» [16, с. 221].

Таким образом, Кони возвращал аргумент о дикости вотяков. Он показывал, что суд над «дикими» вотяками поставил под сомнение «цивилизованность» просветительской миссии правительства. Напротив, справедливый пересмотр незаконного следствия и судебного процесса и исправление всех процессуальных нарушений восстанавливали «цивилизованное» управление на строгом основании закона. Вотяки были оправданы.

Заключение

Позиция Кони по Мултанскому делу являлась продолжением его позиции на процессе Засулич. Он однозначно выступал против воинственной тенденции охранительства в политическом дискурсе Российской империи. Кони понимал, что дискурс войны, кары, непримиримого противостояния с внешними и внутренними врагами и необходимости самой решительной борьбы с ними ведет к умалению прав личности. Напротив, он видел задачу правосудия в примирении, милости, восстановлении мира. Как писал известный адвокат Н. П. Карабчевский, которого Кони в молодости вытасил со скамьи подсудимых за революционную пропаганду, Кони верил «в человека» [17].

Здесь важно обратить внимание на некоторый парадокс. В представлении Кони обновленные суды с участием присяжных позволяли реализовать народные чаяния справедливости. Здесь он продолжал уже известную в русской философии права мысль о принципиальном значении «правды» в российском праве. Несправедливый закон в представлении Кони не мог быть справедливо применен в суде без отрицательных последствий для гражданского мира. Именно эту мысль он подчеркивал в своем всеподданейшем докладе императору с просьбой прекратить следствие по делу о сопротивлении крестьян Седлецкой губернии.

Однако в случае с мултанскими вотяками именно процессуальные нарушения позволяли оспорить действия следователей. Суд при этом становился ареной восстановления справедливости в конфликте между правдой и порядком. Порядок, который наводили Трепов, вятские следователи и седлецкие власти, применяя силу, оспаривался с двух точек зрения: незаконности и несправедливости. Суд мог выявить и осудить незаконность попраания прав именно через процессуальные нарушения административной власти и при этом дать право голоса, тому, кто считал нарушения не только незаконными, но и несправедливыми.

В этом смысле можно согласиться с Йоргом Баберовским в том, что Судебные уставы 1864 г. имели конституционное значение [18]. Действительно, как отдаленное подобие неписаной английской конституции с ее *Habeas Corpus Act*, они сделали гарантию процессуальных прав человека важным критерием законности. Гражданская проповедь Кони сыграла огромную роль для распространения именно такого понимания возможности и необходимости справедливости в российском праве пореформенного времени. Особый вклад Кони заключался в том, что он увязывал процессуальные гарантии с коренными народными представлениями о правде. Отвергая идеи о том, что заимствованные с Запада судебные процедуры опережали развитие событий и не подходили полезничному и в основе своей неграмотному населению Российской империи, Кони подчеркивал, что народ знает, когда справедливость нарушается и готов бороться за правду в суде.

Разочаровавшись в способности государственных институтов противостоять охранительным началам, он отошел от судебной деятельности, но участвовал в законотворчестве и все больше проповедовал веру «в человека». В дополнение ко многим очеркам о деятелях-подвижниках в России, он написал отдельную брошюру о знаменитом враче-подвижнике Гаазе [19]. Это сочинение по просьбе Кони министр юстиции Н. А. Манасеин передал Александру III 28 февраля 1898 г., и тот пе-

редавал Кони свою благодарность [20, л. 1,8]. Пытаясь донести до самых верхов свои представления о необходимости гражданского мира, основанного на милосердии, Кони находил возможность передавать свои сочинения Александру II, Александру III и Николаю II.

В заключение хотелось бы обратить внимание на неизвестный исследователям проект А. Ф. Кони, который он предложил для преодоления революционной угрозы в начале XX в. Этот проект 1903 г. он называл своим «постоянным молитвенным желанием облегчить больных страдальцев в тюрьмах» [1, л. 84]. Кони надеялся учредить на Валааме особую больницу для больных политических преступников, которые с помощью православных монахов могли бы вновь вернуться в общество [1, л. 84-86 об.]. Вот в каких терминах Кони писал об этом проекте: «Чудная картина открылась передо мной: ожесточенный преступник, тяжело страдает от мучительной болезни, брат Милосердия, валаамский послушник заботится о нем.– и огонь любви Христовой, которым проникнут смиренный ученик Бога – любви, смягчает страдальца» [1, л. 84].

Таким образом, в представлении А. Ф. Кони христианская любовь и милосердие должны были помочь преодолеть радикализацию общества. Из изученных документов видно, что Кони ездил на Валаам и пытался договориться там о практических шагах по обустройству такой больницы [1, л. 86-86 об.] Записки об этом проекте хранятся в его личном архиве вместе с многочисленными выписками А. Ф. Кони из Евангелия. Все они посвящены одной магистральной теме – милости христианской любви и прощению [1, л. 6-11 об., 46-49]. Важно помнить, что призыв царского манифеста о введении нового суда в 1864 г. «Правда и милость да здравствуют в судах» для А. Ф. Кони не был риторической фигурой речи, но опирался на христианское учение о любви и милосердии.

Пристатейный библиографический список

1. Кони А. Ф. Материалы о религии, 1890–1920 // ИРЛИ Пушкинский дом (далее – ИРЛИ). Ф. 134. Оп. 1. Д. 136.
2. Кодинцев А. Я., Мишальченко Ю. В. Преступления против государственной власти в трудах Анатолия Федоровича Кони // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1.
3. Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk : Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln : Böhlau, 2019.
4. Садова Е. А. Письмо в Литфонд союза писателей // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 666. Оп. 2. Д. 219.
5. Кони А. Ф. В дороге / Кони А. Ф. На жизненном пути : в 2 т. Т. 2. М. : Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1916.
6. Кони А. Ф. Воспоминания о деле Засулич / Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1966.
7. Чичерин Б. Н. О деле Засулич / Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич / ред. текста и примеч. М. Ф. Теодоровича. М.; Л. : Academia, 1933.

8. ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 274.
9. Долбилов М. М. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
10. Логинова И. В. Отношение российской общественности и власти к мултанскому делу в конце XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1363. Оп. 2. Д. 452.
12. Короленко В. Г. Полное собрание сочинений : в 9 т. Т. 4. СПб. : А. Ф. Маркс, 1914.
13. Джераси Р. Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда : Мултанское дело 1892–1896 годов // Российская империя в зарубежной историографии / отв. ред. О. Леонтьева, М. Долбилов. М. : Новое издательство, 2005.
14. РГИА. Ф. 1363. Оп. 96. Д. 452.
15. Кони А. Ф. По делу о Мултанском жертвоприношении / Кони А. Ф. За последние годы. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1896.
16. Кони А. Ф. В. Г. Короленко и суд / Кони А. Ф. Избранное. М. : Сов. Россия, 1989.
17. Карабчевский Н. П. Пятидесятилетие судебной и общественной деятельности А. Ф. Кони // Новое время. 1915. 30 сент.
18. Baberovski J. Law, the Judicial System and the Legal Profession // The Cambridge History of Russia: Imperial Russia. Vol. 2 / Ed. by D. Lieven. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
19. Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1897.
20. ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 18.

References

1. Koni A. F. Materials about Religion, 1890–1920. In IRLI Pushkin House (hereinafter IRLI), f. 134, op. 1, d. 136. (In Russ.)
2. Kodintsev A. Ia., Mishalchenko Iu. V. Crimes Against State Power in the Works of Anatoly Fedorovich Koni. *Bulletin of the Russian Legal Academy*, 2023, no. 1. (In Russ.)
3. Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln: Böhlau, 2019.
4. Sadova E. A. Letter to the Literary Fund of the Writers' Union. In Manuscript Department of the Russian National Library, f. 666, op. 2, d. 219. (In Russ.)
5. Koni A. F. On the Road. In *Koni A. F. On Life's Journey*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: I. D. Sytin's Publishing House, 1916. (In Russ.)
6. Koni A. F. Memories of the Zasulich Case. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 2. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966. (In Russ.)
7. Chicherin B. N. On the Zasulich Case. In *Koni A. F.; Teodorovich M. F. (ed.). Memories of the Vera Zasulich Case*. Moscow; Leningrad: Academia, 1933. (In Russ.)

8. IRLI, f. 134, op. 4, d. 274. (In Russ.)
9. *Dolbilov M. M.* Russian Region, Alien Faith. Ethno-Confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow: New Literary Review, 2010. (In Russ.)
10. *Loginova I. V.* Attitude of the Russian Public and Authorities to the Multan Case at the End of the 19th Century: Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Nizhny Novgorod, 2002. (In Russ.)
11. Russian State Historical Archive (hereinafter RSHA), f. 1363, op. 2, d. 452. (In Russ.)
12. *Korolenko V. G.* Complete Works. In 9 vols. Vol. 4. St. Petersburg: A. F. Marx, 1914. (In Russ.)
13. *Dzherasi R.* Ethnic Minorities, Ethnography and Russian National Identity in the Face of the Court: Multan Case of 1892–1896. In *Leontieva O., Dolbilov M. (eds.)*. Russian Empire in Foreign Historiography. Moscow: New Publishing House, 2005. (In Russ.)
14. RSHA, f. 1363, op. 96, d. 452. (In Russ.)
15. *Koni A. F.* In the Case of the Multan Sacrifice. In *Koni A. F.* In Recent Years. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1896. (In Russ.)
16. *Koni A. F. V. G.* Korolenko and the Court. In *Koni A. F.* Favorites. Moscow: Soviet Russia, 1989. (In Russ.)
17. *Karabchevskii N. P.* Fiftieth Anniversary of the Judicial and Social Activities of A. F. Koni. *New Time*, 30 September 1915. (In Russ.)
18. *Baberovski J.* Law, the Judicial System and the Legal Profession. In *Lieven D. (ed.)*. The Cambridge History of Russia: Imperial Russia. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
19. *Koni A. F.* Fedor Petrovich Gaaz. Biographical sketch. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1897. (In Russ.)
20. IRLI, f. 134, op. 4, d. 18. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Т. Ю. Борисова – кандидат исторических наук.

Information about the author:

T. Yu. Borisova – PhD in History.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.